

М. А. ПЕРЕПЕЛКИН

*(Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королёва, Самара, Россия)*

ORCID ID: 0000-0002-6102-6947

К. И. МОРОЗОВА

*(Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королёва, Самара, Россия)*

ORCID ID: 0000-0003-2911-5621

УДК 821.161.1-32(Гольдебаев А. К.)

DOI 10.26170/ufv20-04-10

МИГ СЛАВЫ. РАССКАЗ А. К. ГОЛЬДЕБАЕВА «ГАЛЧОНОК» («УСТАНОВЛЕННЫМ ПОРЯДКОМ!»): ОТ РУКОПИСИ ДО ПУБЛИКАЦИИ НА СТРАНИЦАХ СБОРНИКА «ЗНАНИЕ»¹

Аннотация. Статья представляет собой попытку реконструкции процесса работы писателя А. К. Гольдебаева над рассказом «Галчонок» («Установленным порядком!»), увидевшим свет на страницах сборника товарищества «Знание». С этой целью авторы статьи анализируют рукописный и машинописный варианты рассказа, а также – окончательный текст, опубликованный в «Знании». Сопоставительный анализ трёх вариантов текста позволяет сделать выводы о характере стилистической правки, а также – о динамике замысла, развивавшегося от «бытовой сценки» к рассказу о мире и человеке, взаимоотношениях людей и кризисе системы ценностей, на глазах у читателя становящейся главной художественной проблемой рассказа. Текстологическое рассмотрение рукописи, машинописи и опубликованного текста рассказа выводит исследователя к пониманию основ мировоззрения и логики художественного развития А. К. Гольдебаева, медленно и трудно, но всё же находившего свой собственный творческий почерк и свою интонацию и стремившегося говорить со своим читателем о проблемах сегодняшнего дня на языке этого – трудного и во всех смыслах переломного – дня разрушения всех на свете «установленных порядков».

Ключевые слова: русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные герои; литературные образы; провинция; текстология; рукописи; машинопись; эволюция замысла; стилевые изменения.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект 20-312-90040 «Творчество А. К. Гольдебаева (Семёнова). Феномен “провинциального писателя” в русской литературе конца XIX – начала XX вв.».

В 1910 году на страницах XXIX сборника товарищества «Знание» увидел свет рассказ самарца А. К. Гольдебаева «Галчонок».

А. К. Гольдебаев (1863–1924) – писатель, чьё формирование пришлось на 1880-е гг., названные Андреевичем «скучными годами» [Андреевич 1905: 380], а М. Неведомским «эпохой перелома, кризиса в идеологии, эпохой не органически-творческой, а критической, в подлинном смысле этого слова» [Неведомский 1919: 150]. Аналогичную картину эпохи, на которую пришлось формирование литературного поколения А. К. Гольдебаева рисовал ещё в 1902 году и М. Протопопов, увидевший в этой эпохе «время всё более и более усиливавшегося разочарования интеллигенции, её почти полной и почти повальной растерянности» [Протопопов 1902: 34]. «Чувство безверия, разочарованности, грусти, наконец, усталости после понесённых и, увы, оказавшихся бесплодными усилий неминуемо должно было охватить наиболее передовые общественные группы, – справедливо отмечал в своё время В. Евгеньев-Максимов, подводя итоги литературного развития последних десятилетий XIX столетия. – Они оказались решительно не в силах дать сколько-нибудь энергичный отпор захлестнувшей широкие общественные круги мутной волне мещанства с его обычными спутниками – беспринципностью и грубым эгоизмом» [Евгеньев-Максимов 1927: 14].

Вместе с тем, «скука», «повальная растерянность» и «мутность» 1880-х гг., когда формировался А. К. Гольдебаев, совсем не означали одноплановости и отсутствия поисков. Напротив, вопреки «безверию, разочарованности, грусти, наконец, усталости», писатели, начинавшие свой путь в литературу в эту эпоху, стремились найти язык и образы, наиболее отвечающие мировоззрению человека переломной «скучной» эпохи, обнаруживая при этом такую глубину, о которой даже не подозревала литература предшествующих – нескучных – десятилетий. Так, по мнению М. Столярова, «с Гаршина, можно сказать, начался поворот русской интеллигенции от общества к отдельной личности, от общественной психологии к психологии индивидуальной. Хотя начало его деятельности относится к эпохе семидесятых годов, он однако не был сыном этой эпохи, и в его творчестве, в противоположность прямолинейности и стремлениям к опреде-

лѐнной цели народников, слышатся ноты сомнения, разлад с идеалами его старших современников» [Столяров 1901: 3]. А. П. Коган писал в своё время о двух полюсах литературы, формирование которых началось в те же 1880–90-е гг., связывая эти полюса с именами А. Куприна и Л. Андреева [Коган 1911: 7].

Найти место самарца А. К. Гольдебаева в литературном контексте эпохи не так-то просто. Затрудняет ситуацию и то обстоятельство, что, живущий большую часть жизни в провинции, писатель довольно хаотично вступал в литературные контакты с представителями разных групп и течений, пробовал прибиться то к одному, то к другому литературному лагерю, искал покровителей среди представителей враждующих литературных группировок и т. д. Начиная с определения В. Катаева [Катаев 1982: 3], как «литературный спутник Чехова», позднее он пытался стать своим среди «знаньевцев», адресовал письма В. Г. Короленко и Л. Н. Толстому, искал покровительства А. Р. Крандиевской и даже пытался завязать дружбу с М. Кузминым и Вяч. Ивановым.

Чаще всего все эти попытки терпели фиаско: потенциальные покровители либо вежливо отреклись от ученика из провинции, либо давали такие советы, которым горе-ученик был не в силах следовать; критика встречала редкие публикации иронически, сетуя на многословие [Арт 1904: 238-239], «курьѐзный слог» [Горький и русская журналистика 1988: 844] и «забавность» [Крюкова 1910: отдел 2, 82]. Гольдебаев не сдавался, снова и снова пробуя овладеть языком сегодняшней литературы, преодолев многословие и перестав восприниматься в качестве «забавного писателя» из провинции. Именно такой отчаянной попыткой найти своё место под литературным солнцем и стала для А. К. Гольдебаева публикация в 1910 году на страницах сборника товарищества «Знание».

Вне всяких сомнений, публикация в «Знании» явилась важным шагом в творческой жизни писателя, не слишком избалованного вниманием к нему со стороны читателей, критики и коллег по писательскому цеху: с интересом встреченный в 1903 году А. П. Чеховым рассказ Гольдебаева «В чём причина?», вскоре увидевший свет с чеховской правкой под другим

названием – «Ссора» [См. об этом: 16; 17], по большому счёту так и остался едва ли не единственной несомненной удачей провинциального писателя, на протяжении многих лет тщетно пытавшегося пробить брешь в невнимании к нему и его писательскому творчеству со стороны столичных изданий. И вот, наконец, с большим трудом ему вновь удалось это сделать: рассказ был опубликован в популярном сборнике, да ещё и в окружении таких имён, как М. Горький, И. Бунин, И. Касаткин и некоторых других. Впору было надеяться, что давно искомая писательская известность наконец-то улыбнётся тому, кто её давно жаждал. И она, в самом деле, улыбнулась – правда, совсем ненадолго и только для того, чтобы совсем скоро обернуться полным забвением. Но предметом этой статьи будет не забвение, которое случится чуть позже; предметом этой статьи будет хоть и совсем краткий, но яркий и надолго запомнившийся А. К. Гольдебаеву миг его славы.

1.

В писательском архиве А. К. Гольдебаева, хранящемся в Самарском литературно-мемориальном музее имени М. Горького, сохранился фрагмент рукописи будущего рассказа «Галчонок», а также – фрагмент машинописи, в котором содержится довольно обширная авторская правка, позволяющая проследить как эволюцию замысла рассказа, так и характер стилистической правки, осуществлённой писателем в процессе доработки и переработки первоначального рукописного текста. Сопоставление рукописного и машинописного вариантов, а также сопоставление их обоих с текстом рассказа, увидевшим свет на страницах сборника товарищества «Знание», позволяет попытаться реконструировать путь писателя к тому самому «мигу славы», о котором шла речь выше. Этим мы и займёмся далее, чтобы через реконструкцию процесса работы над рассказом попытаться выйти к пониманию основ миромоделирования автора «Галчонка».

Итак, первым источником, доступным для исследовательской работы, является фрагмент рукописи рассказа, озаглавлен-

ного «Установленным порядком!» [7]¹. Рукопись представляет собой сброшюрованную тетрадку из тринадцати листов, испи- санных чернильным пером с обеих сторон; некоторые из листов от тетради отсоединились, но их отношение к общему тексту, а также – последовательность, не подлежат сомнению. Текст рас- сказа разбит на четыре части, две из которых (видимо, по ошиб- ке автора) имеют один и тот же номер – «3». Поскольку руко- писный вариант сохранился не полностью, а только фрагмен- тарно, трудно сказать однозначно, сколько ещё частей первоначального текста до нас не дошло. Но, тем не менее, ясно, что ру- кописный вариант был гораздо короче окончательного: четвёр- тая часть рукописи обрывается примерно на том же самом эпи- зоде, который в окончательном тексте входит уже в седьмую часть, за которой в публикации на страницах «Знания» следуют ещё две – восьмая и девятая.

Рукопись содержит незначительную правку (зачёркивания, вставки), свидетельствующую о том, что уже на этапе работы над рукописным вариантом А. К. Гольдебаев редактировал текст, внося в него мелкие коррективы. Так, в самом начале рас- сказа, описывая обыкновенное времяпрепровождение приятелей в зимний период, писатель вначале пишет: «Зимой же вечера проводили в каком-либо ресторане, а ночевать ехали к Миро- новне, где выпивали “до степеней известных”», а потом вычёр- кивает часть фразы от «а ночевать» до «к Мионовне», избавля- ясь, таким образом, от лишних, по его мнению, деталей. Такой же лишней подробностью, видимо, оказалось определение ки- тайского фонаря как «висячего», в результате чего последнее слово также было вычеркнуто. Встречаются в рукописи и от- дельные замены слов другими: «барышни» вместо «девушки» во фразе «девушки, как заметил наблюдательный Макмагон, держались как-то неискренно»; «томил» вместо «ослеплял» о фразе «Снег ослеплял глаза белым сиянием» и т. д. Наконец, в рукописном тексте присутствует ряд небольших вставок: «– Главная вещь, – вступила одна (вписано: уже пожилая), до-

¹ Далее все ссылки на рукописный вариант приводятся в тексте статьи без специальных сносок.

вольно помятая, некрасивая барышня (вписано: с зарубцованной шеей и) с хриплым голосом» и др.

Если резюмировать наблюдения над первоначальной правкой, осуществлённой писателем уже в рукописном варианте, следует, видимо, отметить стремление писателя к точности (избавление от избыточного в случае «китайского фонаря» определения), а также – к объёмности образов («зарубцованная шея», выдающая, видимо, сорвавшиеся попытки самоубийства), поиск наиболее точно отвечающей замыслу субъектной позиции и точки зрения (субъектно-маркированное «барышни» вместо нейтрального «девушки»), стремление не просто изображать ситуацию, а фиксировать отношение к ней героев («томящий», а не «ослепляющий», снег). Но, как становится ясно из знакомства с машинописным вариантом этого же рассказа, первоначальная правка носила только самый предварительный характер, и настоящая редакторская работа над текстом будущего «Галчонка» была ещё впереди.

Машинописный вариант рассказа имеет то же название, что и в рукописи – «Установленным порядком!» [6]¹. Он также сохранился не полностью: на этот раз сброшюрованная при помощи ниток тетрадка состоит из двадцати семи пронумерованных листов, заполненных с одной стороны. Текст сохранившейся части машинописного варианта разбит на восемь частей, соответствующих частям окончательной редакции, помещённой в «Знании». Обрывается машинописный фрагмент на фразе «– А ты, Макмагон? – спросил Антипыч, поднявшись с места».

В машинописном варианте также имеется обильная редакторская правка, скорее всего, сделанная рукой самого автора, – однако, настаивать на этом было бы делом ошибочным. Остановимся подробнее на редакции, которой подвергся машинописный вариант рассказа.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с этим вариантом, – это очень существенные сокращения текста: практически на каждой странице машинописи имеются зачёркнутые

¹ Далее все ссылки на машинописный вариант приводятся в тексте статьи без специальных сносок.

строчи, число которых колеблется от одной до десяти-двадцати (а всего на странице помещается около сорока машинописных строк, которые разделяются крохотным интервалом); встречаются страницы, на которых крест-накрест перечёркнуты целые абзацы; имеются и полностью перечёркнутые страницы. Помимо сокращений имеются исправления отдельных слов и фраз, а также – слова и фразы, вписанные от руки поверх напечатанного текста. Из двадцати семи страниц машинописного варианта нет ни одной, не подвергшейся редактуре.

Если говорить о сокращениях, то главным мотивом, заставляющим редактора безжалостно вычёркивать целые абзацы и страницы текста, было, по всей видимости, стремление минимизировать случайные и не имеющие прямого отношения к делу подробности.

Приведём в качестве примера фразу, открывающую рассказ.

Было: «Обыкновенно их было трое: Перфильев, Савось и Макмагон; но иногда эта неразлучная компания собутыльников увеличивалась кем-либо из общих знакомых, и чаще всего во время каникул, когда приезжали на лето земляки-студенты».

Стало: «Их было трое: Перфильев, Савось и Макмагон; неразлучная компания собутыльников».

Ещё один пример – описание обыкновенного времяпрепровождения друзей-собутыльников.

Было: «Летом их мирные кутежи протекали “куда занятнее”, – как выражался Перфильев, – Антипыч, по приятельскому прозвищу; летом они любили поехать на лодке в горы, в рощу, захвативши не один только провиант и питья, но и девиц. Зимой же, когда тошнотворные собрания, театр с обездушенным цензурой репертуаром, вечно стремившиеся обновиться, но никогда не обновлявшиеся кружки, когда весь круговорот обывательского жителя-бытия, сжатого в тисках временных правил, снова начинал вгонять в тупое отчаяние, – зимой трое проводили свои свободные вечера в каком-либо ресторане, в биргалке, в кабачке, – смотря по степени ража. Выпивши “до степеней известных” и всласть наговорившись о переустройстве мира, трое ехали к кому-либо из знакомых интеллигентов, минуя говорунов и миро-

устроителей, и метя к тем, где надеялись обрести вино, веселье и любовь, как скандировал Савось».

Стало: «Летом они любили поехать на лодке в горы, в рощу, захвативши не один только провиант и пития, но и девиц. Зимой же проводили свои свободные вечера в каком-либо ресторане, в биргалке, в кабачке, – смотря по степени ража. Выпивши и наговорившись о переустройстве мира, ехали к кому-либо из знакомых интеллигентов, минуя говорунов и мироустроителей, и метя к тем, где надеялись обрести вино, веселье и любовь, как скандировал Савось».

Наконец, третий пример – портрет одного из героев, Савося.

Было: «Севастьян Пантелеич Гориничев большим оригиналом был не только по костюму и по внешности, но и по свойствам характера. Покинув университет на первом же курсе, – не столько из-за активного участия в беспорядках, сколько из-за чувства солидарности, Савось гордо вычеркнул учёную карьеру из своей житейской программы и поступил к родному отцу-чеканщику в мастера. Вспомнив, что он – крестьянин Тверской губернии, села Кимры, Савось осмелел крахмаленное бельё, пиджак, брюки и возлюбил косоворотку при шароварах с высокими сапогами, а в связи с поддёвкой изменил и режим: спал на нарах, ел сазана с квасом, а по праздникам пел не во злу головушку “наши, тверские” песни с мастерами. И чудачил он таким образом не потому, что увлекался толстовской проповедью опрощения или примером Рахметова, а “потому, что так мне нравится, батенька мой!”».

Стало: «Савось (вписано: крестьянин села Кимры) был (вписано: оригинален) не только по внешности, но и по характеру. Покинув университет на первом же курсе, – не столько из-за активного участия в беспорядках, сколько из-за чувства солидарности, (вписано: он) поступил к родному отцу-чеканщику в мастера: спал на нарах, ел сазана с квасом, а по праздникам пел (вписано: свои) тверские песни с мастерами. (Вписано: И когда его спрашивали, зачем он всё это делает, Савось отвечал:) «А так мне нравится, батенька мой!»».

Таким образом, сокращая текст, сам Гольдебаев или тот, кто редактировал его рассказ, добивался максимальной сжатости тек-

ста, концентрации всех описаний на основной сюжетной линии, ёмкости слова и фразы.

Этому же подчинены и имеющиеся в машинописи добавления и вставки, которые, как видно, в том числе, из приведённых выше примеров, способствуют тому, чтобы каждая деталь говорила сама за себя, а не ожидала бы авторских пояснений, двигала бы сюжет, заставляя читателя напряжённо следить за развитием событий.

Приведём ещё несколько примеров «вставок» в исходный машинописный текст.

Было: «Антипыч обрадовался, увидевши курносую старуху Дашу».

Стало: «В эту субботу Антипычу почему-то особенно кидалось в глаза ненормальное отношение к ним троим со стороны женщин, и он почти обрадовался, увидевши курносую старуху Дашу».

Ещё один пример – из седьмой части, в которой герои узнают о страшном финале жизни Поли-Галчонка.

Было: «Таня вскочила, испуганно и вместе с тем оживлённо. Саша выпрямилась, судорожно вцепившись в ручку дивана. Обе расширили глаза на гостей».

Стало: «Таня вскочила, (вписано: широко-)испуганно и вместе с тем оживлённо (вписано: расширила глаза на него). Саша выпрямилась, судорожно вцепившись в ручку дивана. Обе (зачёркнуто: расширили глаза на гостей) (вписано: на минуту застыли в немом изумлении, странно их оживившем, как будто ободrivшем)».

Из приведённых примеров видно, как, благодаря правке, схематичные описания наполняются красками, картины становятся объёмными, а герои из немых манекенов превращаются в людей, живущих напряжённой внутренней жизнью.

Таким образом, уже из приведённых наблюдений над рукописным и машинописным вариантами будущего «Галчонка», увидевшего свет на страницах «Знания», можно заключить, что путь писателя А. К. Гольдебаева к его «мигу славы» не был лёгким и коротким, напротив, он был долгим и трудным путём самоограничений и уточнений, поиска ясных и ёмких слов, выстраивания прозрачной сюжетной линии. Но до самого «мига

славы» было ещё далеко, и между этими первыми шагами к нему и публикацией в сборнике товарищества «Знание» лежала огромная пропасть, на которой мы и сосредоточимся далее.

2.

Свидетельством большой работы, проделанной автором будущего «Галчонка», являются значительные различия между рукописным и машинописным вариантами рассказа «Установленным порядком!». Остановимся на некоторых из них, представляющихся наиболее значимыми.

Как уже было сказано, рукописный вариант рассказа состоит из четырёх «глав», а машинописный – из восьми (при этом не совсем ясно, предполагалась ли ещё одна, девятая, «глава», не сохранившаяся в том фрагменте машинописи, который имеется в нашем распоряжении, или финальная часть рассказа мыслилась на этом этапе как продолжение восьмой «главы»); содержание глав в машинописном варианте в целом соответствует и содержанию глав в тексте рассказа, увидевшего свет на страницах сборника «Знание».

Далее скажем о том, как, судя по изменению количества «глав», менялась композиция рассказа в целом и содержание каждой из его глав.

Первая «глава» рукописного текста – экспозиционная. В ней читатель знакомится с тремя мужскими персонажами – Перфильевым, Савосем и Макмагоном, узнаёт о том, каким было их обычное совместное времяпрепровождение летом и зимой, какими были их обычные же взаимоотношения с женщинами вне публичного дома («...там они, наконец, встречали барышень, с которыми танцевали, чокались, шушукались, напивались до потери соображения о приличиях и шептали подпившим барышням такие вещи, которые девушка терпит только в тех случаях, когда засиделась в невестах и готова рисковать всем, чтобы изловчиться и выпрыгнуть замуж. И они, трое холостяков, знали, что некоторые из их женатых знакомых валились спьяна куда-нибудь под стол холостыми, а приходили в себя уже на кровати, рядом с одной из барышень, которая оказыва-

лась обесчещенной, горько плачущей... Оставалось, таким образом, лишь вспомнить ужаснувшегося при пробуждении молодцу, что он – порядочный человек, и – дело было сделано»). Из этой же «главы» читатель узнаёт и о том, что по субботам приятели «“установленным порядком” отправлялись к Михайловне, которая по субботам гостей не принимала, но для некоторых привилегированных клиентов делала исключение, – для троих, между прочим». Наконец, читателю сообщается о том, что «унизительное позорное положение женщины в современном обществе <...>, судьба рабынь Михайловны служили неиссякаемыми темами для жгучих самобичеваний» героев, с языка которых то и дело «слетали громовые фразы о развращённости буржуазного строя» и о Марксе, что, впрочем, не мешало «ораторам» напевать «сердцу рай, выбирай» и, «выбрав, расходиться по комнатам». «Время было удушливо-мрачное, и оно-то подсовывало возможность примириться с совестью», – этим завершается первая «глава» рукописного варианта.

Вступительная часть машинописи в целом – о том же, правда, на этот раз Гольдебаев первоначально предпринял попытку гораздо более тщательно прописать все едва намеченные в рукописном варианте сюжетные ходы, сделать более объёмными образы, проработать диалоги. Так, изображая кутежи Перфильева, Савося и Макмагона у семейных приятелей, писатель набрасывает первые портретные характеристики самих главных действующих лиц, а также пытается добиться того, чтобы читатель начал отличать их друг от друга: «...пели, конечно, “Дубинушку”, “Волгу”, танцевали, – двое, по крайней мере, из троих, так как красивый и стройный Савось танцевать не умел. В антрактах же принимали волей-неволей участие в полупьяных спорах о тех наскучивших переустройствах, уловленные за пуговицу “белым” крамольником. Но видивший пурпур былой крамолы производил жалкое впечатление руин, ущемлял за сердце, и Антипыч, Макмаког, – Савось в спорах не участвовал, будучи известным молчалником, – спешили увильнуть, иногда жертвуя пуговицей. Холостяков больше занимал лёгкий флирт с подвыпившими барышнями, чем подогретые на спирту проклятия тому, что уже всеми давно и трижды проклято». Завершается эта,

вступительная, часть довольно распространёнными фразами самобичевания приятелей по поводу того, что все трое пользуются услугами рабынь из публичного дома, и решением в очередной раз отправиться к этим же рабыням («Обсуждая натошак шансы субботней поездки “установленного порядка”, Антипыч улаждался иногда болью самобичевания. “Как не стыдно! – качал он головой, фыркая со смеха. – Передовыми людьми считаем себя, туда же! Разве передовых людей дело – это дело?!”. Откровенный до грубости Савось говорил на это: “Будет ломаться-то, батенька мой!”. Макмагон же улещал приятеля более распространёнными и менее грубыми доводами. И, между прочим, он как-то раз возразил Антипычу очень горячо и очень проникновенно: “Дело?.. Гм!.. Что такое собственно дело у русского человека? Имеем ли мы право, мы, русские, говорить о деле? Я вот, например, составляю ежедневно газетный лист, при чём извиваюсь, как уж, перед тупицей-цензором, порчу кровь из-за каждой фразы: это дело? Бегаю я же по заседаниям, по сессиям, где ум и знание постыдно молчит, пошлость и меднолобие громко ораторствует; участвуем уже все мы в организации чтений, столовых, читален, участвуем в разных “поощрениях”, комитетах по оказанию помощи... Неужели всё это дело, Антипыч? Жалкая, обидная комедия! Страна, где личность кастрирована, а совесть взята участком под сомнение, не может иметь никакого дела, заслуживающего имени дела! Если и есть в России настоящее дело, то – только у подпольных партий, да и то – у той из них, социализм которой прям, как бревно, и правоверен, как непримиримое сектантство! Но ведь мы с тобой не решимся уйти в подполье, стать сектантами во имя идей?!”» и т. д.

Следующей стадией работы над текстом рассказа, как уже тоже было замечено выше, стала редакция машинописного варианта и его существенное сокращение, цель которого, однако, совсем не состояла в том, чтобы вернуть машинописный вариант в прежнее состояние, близкое к конспективности изначального рукописного наброска. Оставляя одни из новых, отсутствовавших в рукописи, подробностей, Гольдебаев старательно избавляется ото всего, что размывает основную сюжетную линию, делает сюжет рыхлым, а образы героев – расплывчатыми и

слишком многоярусными. Именно ради этого писатель вычёркивает ещё одну, финальную, реплику Макмагона, завершающего свой монолог следующим образом: «Впрочем, – добавил Макмагон, – есть дело у шпионизма, у министеровщины, у кривосудия: спасание божией милости, грабёж, истребление тех, что мешают грабить страну божьей милостью. Но и эти дела – не настоящие дела! – в них нет здоровых зёрен будущности».

В таком, вначале расширенном, а потом – по-новому сокращённом, виде машинописный текст рассказа и лёг в основу публикации в «Знании». Правда, окончательный («знаниевский») вариант текста также имеет некоторые отличия от уже отредактированного машинописного варианта. В основном, эти отличия касаются мелочей, но и эти мелочи свидетельствуют о пристальной и кропотливой работе писателя с текстом. Так, представляя героев в машинописи, Гольдебаев пишет: «... самому старшему из них, – Антипычу, не было и тридцати пяти, а Савось в описываемое время переживал двадцать шестую зиму и был на пять лет моложе Макмагона». В окончательном же тексте этот фрагмент выглядит следующим образом: «Самому старшему из них, Перфильеву – Антипычу, по товарищеской кличке, – не было ещё и тридцати пяти, Савось же переживал всего двадцать четвёртую зиму и был лет на пять моложе Макмагона» [8: 4]. Как видим, в окончательном варианте писатель, во-первых, прояснил, что Перфильев и Антипыч – одно и то же лицо, причём Антипычем Перфильева зовут только приятели; во-вторых, «омолодил» другого героя, Савосю, на два года; и, наконец, в-третьих, точное «на пять лет» заменил на приблизительное «лет на пять». Понять смысл этих правок не сложно: писатель старается приблизиться к читателю, встать на его точку зрения, и с этой, читательской, точки зрения рассуждает о важном и не важном, существенном и несущественном. Другой пример – финал этой же, первой, «главы»: машинописный вариант завершается фразой «И они “установленным порядком” ехали»; в «знаниевской» редакции вместо этой фразы от автора появилась ещё одна реплика, произнесённая кем-то из троицы приятелей: «Ну, коль так, вставай, Савоська, зови извощика» [8: 6]. Таким образом, автор-повествователь стремится устра-

нится из текста там, где ощущает своё присутствие слишком навязчивым и мешающим сюжету развиваться по его собственным, не зависящим от его, авторского, произвола, законам.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в случае с последующими «главами» рассказа. Вторая «глава» начинается в рукописном варианте с изображения одного из субботних вечеров в лавке Перфильева («Вечером, в субботу, хрустел снег под освещёнными окнами книжной лавки Перфильева, отворялась с улицы дверь и перед хозяином, высоким блондином лет тридцати, появлялся улыбающийся Совось, – стройный молодой красавец, на белом лице которого высились, как две арки, чёрные брови, а на анимичной голове лежали очаровательным холмом густые чёрные кудри»).

В машинописи глава начинается там же, но и портреты обоих героев, и пространство лавки, и описание вечера проработаны здесь гораздо тщательнее, а кроме того уже вначале главы появились своеобразные сюжетные скрепки, подготавливающие дальнейшее развитие сюжетной ситуации, являющейся событийным центром рассказа («<В одну из суббот> (зачёркнуто, вписано от руки: «Однажды в субботу»)), – в ту, когда случилась досадная неожиданность, поведшая к катастрофе, всё началось и шло «установленным порядком» (часть фразы от «всё началось» и до конца предложения зачёркнуто). Был (от руки вписано «зимний», потом зачёркнуто) вечер, <час осьмой> (зачёркнуто). Пётр Антипыч Перфильев, рослый блондин с усаемым добродушным лицом, букинист и владелец библиотеки, (вписано от руки: «почти не») имевшей (зачёркнуто: «около пятка») подписчиков, считая, в том числе, Савосю и Макмагона, платы, конечно, не вносивших, сидел (зачёркнуто: «в «ускорничке»; вписано от руки: «в своей лавке за шкапами»), – в узеньком пространстве между стеной и <задней стороной> (зачёркнуто) полка с книгами (исправлено: «полок») и, согнувшись над самодельным столиком <из неостроганной крышки с ящика, державшейся подпорками, наискосок прибитыми к нижней полке, читал> (зачёркнуто всё от «из неостроганной крышки» до «читал») <...> Заскрипел снег под окнами, задрезжал колокольчик, и в лавке явился Савось. Это был стройный, повыше сред-

него роста, молодой человек, с красивым черноусым лицом. Чёрные брови высились очаровательными арками на высоком белом лбе; тёмные глаза гордо и несколько сурово смотрели из-под длинных ресниц; цвет лица изумлял своей матовой белизной, и всё это, – белизна кожи, чернота усов, бровей, ресниц в связи с глазами без улыбки и общим гордым выражением лица Савося, – придавало ему вид прекрасного изваяния, холодную картинность».

Похожим образом начинается и вторая глава того варианта рассказа, который увидел свет на страницах «Знания»: «Однажды, в субботу, Пётр Антипыч Перфильев, букинист и владелец библиотеки, почти не имевшей подписчиков, сидел в своей лавке, за шкапами, – в узеньком пространстве между полками и стеной, – и, согнувшись над самодельным столом, читал <...> Заскрипел снег под окнами, замотался на спирали колокольчик, и в лавку влез Савось. Вошёл, освободил густые усы от ледышек, поздоровался с приказчиком, который вскочил разбуженный лязгом колокольчика, и направился за шкапы» [8: 6-7]. Правда, на этот раз, как видно и из приведённой цитаты, текст освобождается от нагромождения неоправданно введённых в него подробностей, становится более динамичным, движение сюжета начинает заметно преобладать над описательностью.

То же можно сказать и обо всей главе, завершающейся в рукописном варианте обыкновенной субботней выпивкой трёх друзей («Пили вообще хорошо, как и полагается пить обывателям страны, жизнь которой прищемлена ежовой рукавицей. Пили весело, с бодрыми проклятиями необходимости жить, кастрируя душевные порывы к живому делу... Кстати сказать, они были несколько лет тому назад не троём, а четвером: у них был дорогой друг-собутыльник Аполлон Николаич, очень талантливый публицист. Но он не вынес науки духовного самооскопления, как не <неразб.> в войне живую душу: он застрелился»). В машинописном и опубликованном вариантах «друга-собутыльника» Аполлона Николаича уже нет, зато действие забежало несколько вперёд и завершилось поездкой «установленным порядком» в заведение Михайловны, где их уже ждали девицы.

Соответственно, начало третьей главы в рукописном варианте – дорога в публичный дом, а в машинописи и в варианте «Знания» – прибытие и встреча в заведении Михайловны. «Там их действительно ждали, – читаем в рукописи, – хотя они обыкновенно подъезжали тихо, щадя скромность улицы присмирившей ради субботы, как монастырь: деревянный засов поспешно падал, дверь распахивалась, и старый знакомец Ардальон, вышибало, ласково <неразб.> любимым гостям: “Пожалуйте!.. Барышни-то уж наплакались по вам!”». В машинописном варианте этот же фрагмент выглядит следующим образом: «Их, действительно, ждали... Каждую субботу их тут ждали с любопытством, иль с надеждой, с тоской... или ещё с каким-нибудь чувством, присутствующим человеку и в нравственном гноище потопленному. Михайловна не должна была давать субботней привилегии! Но она, к сожалению, была более добра, чем полагается для рабовладельцев той дальней улицы. Она размышляла, уступая настояниям своего Василья Васильича: “Что ж? – пушай девки побалуется!.. Надо и им тоже душу-то отвести”. Достаточно было побарабанить пальцем в дверь, как засов тотчас же глухо шуршал, обе половинки распахивались, и Ардальон, brave старик-вышибало, кланялся желанным гостям: “Пожалуйте, пожалуйте!.. Барышни-то уж наплакались, что долго нет кушцов-молодцов, – хе-хе... Да и мне-то уж пора на полати... Спасибо, помогите вам Господи!” – острил (зачёркнуто: «каналья», вписано: «он»), принимая мзду и спеша запереть дверь, – уже висячим замком».

Начиная с этой же, третьей, главы начинаются серьёзные расхождения в текстах трёх вариантов – рукописного, машинописного и опубликованного в «Знании». В рукописном варианте – это весь субботний вечер в заведении Михайловны: от встречи гостей «вышибалой» Ардальоном до сообщения приятелям о том, что Поля-Галчонок сегодня в заведении отсутствует, и до решения Савося «взять» на сегодняшний вечер «Шарлоточку». В машинописном и опубликованном вариантах событиям этого субботнего вечера посвящены три главы – третья, четвёртая и пятая. В третьей приятели начинают подозревать, что в заведении что-то не так и «установленный порядок» дал сбой, в четвёртой напряжённое ожидание достигает пика, и перед гостями появляется Шарлотта, в пятой

обиженный Савось, не дождавшийся Галчонка, уединяется с Шарлоттой, а вернувшаяся в заведение Поля-Галчонок, узнавшая об «измене» Совосья, «голову об сундук разбила».

Четвёртая глава рукописи охватывает события от того самого неудавшегося субботнего вечера в заведении и до нового визита приятелей к девицам, сообщившим им о самоубийстве Галчонка; рукопись обрывается обращённой к девицам репликой Антипыча: «Разве не могли вы <...> дать нам знать? Мы бы...». В машинописи вслед за пятой главой, которой завершилось изображение субботнего вечера без Галчонка, следуют шестая, седьмая и восьмая главы (причем, первоначально шестая глава начиналась описанием следующей за той самой суббота́той недели и заканчивалась сообщением об отравлении Галчонка, но впоследствии Гольдебаев разбил эту главу на две, посвятив шестую изображению недели «до субботы», а седьмую – изображению самой субботы, когда вновь наведавшимся в заведение приятелям открылась страшная правда о трагическом конце жизни Поля-Галчонка). Восьмая глава машинописного варианта изображает события в «заведении» после сообщения об отравлении Галчонка; скорее всего, одна или несколько страниц машинописи утрачены, поэтому обрывается машинописный вариант решением всех, кто присутствовал при этом разговоре, немедленно отправиться на могилу Поля-Галчонка.

Окончание рассказа сохранилось только в варианте, опубликованном в сборнике товарищества «Знание»: отказавшийся идти на могилу Макмагон остаётся с Сашей, перед которой произносит горячую речь о том, что «придёт время, когда женщина затоскует уже сознательно, томимая стыдом своей второстепенной роли» и т. д. Произнеся этот монолог, он уходит, а оставшаяся в заведении Саша дожидается вернувшихся с кладбища подруг, которые рассказывают о бесцельности этого похода («... дома-то, ей Богу-право, больше о Поле думаешь, чем там!..») и о грустных размышлениях на обратной дороге («Едем, это, а луна... вот уж как светит!.. а по снегу-то искры, искры... И стало мне вдруг чего-то жалко, жалко...» [8: 46]).

3.

Пришло время подвести некоторые итоги и сделать выводы из предпринятого сопоставительного рассмотрения трёх сохранившихся вариантов рассказа «Установленным порядком!» («Галчонок»).

Первое. Стремясь быть опубликованным на страницах сборника товарищества «Знание», А. К. Гольдебаев проделал огромную редакторскую работу, превратив набросок рассказа вначале в подробный и местами, действительно, слабый текст, а потом – в рассказ, интересный как с точки зрения сюжета и происходящих в нём событий, так и с точки зрения повествования об этих событиях.

Второе. Анализ сохранившихся вариантов рассказа «Установленным порядком!» («Галчонок») демонстрирует не только динамику стиля и других формальных элементов текст, но и эволюцию замысла, развивающегося от «бытовой сценки» к рассказу о мире и человеке, взаимоотношениях людей и кризисе системы ценностей, на глазах у читателя становящемся главной художественной проблемой рассказа.

Третье. Текстологическое рассмотрение рукописи, машинописи и опубликованного текста рассказа выводит исследователя к пониманию основ мировоззрения и логики художественного развития А. К. Гольдебаева, медленно и трудно, но всё же находившего свой собственный творческий почерк и свою интонацию и стремившегося говорить со своим читателем о проблемах сегодняшнего дня на языке этого – трудного и во всех смыслах переломного – дня разрушения всех на свете «установленных порядков».

А завершим мы наши наблюдения ещё одним выводом. В своё время известный пушкинист и текстолог С. Бонди справедливо указал на то, что «для правильного прочтения трудного, запутанного черновика недостаточно внешнего, объективного анализа вида рукописи, анализа языка и стиля автора. Необходимо внутреннее проникновение в смысл и художественное содержание произведения» [Бонди 1971: 210]. С этим замечанием

вполне коррелирует и наблюдение другого исследователя – А. Л. Гришунина, писавшего о том, что «в отработанных по разным причинам и не вошедших в окончательный текст вариантах исследователи ищут дополнительные штрихи, проясняющие или уточняющие мысли писателя, его мировоззренческие установки, творческие побуждения и мотивы. Смысл такого использования вариантов состоит в том, чтобы диахронически прочесть синхронический “окончательный” текст произведения, увеличить число наблюдаемых объектов-моментов, – интерпретировать текст, придать ему дополнительное измерение, получить представление о динамике текста и полнее, правильнее его понять» [Гришунин 1998: 170]. Спору нет – приведённые наблюдения адресованы, в первую очередь, классикам, чьи черновики – ценнейший для исследователя аналитический источник. Однако, как показало наше собственное исследование, текстологическое рассмотрение и тех произведений и авторов, которые не вошли в «классический канон», оставшись на его обочине, способно многое открыть заинтересованному аналитику, который будет уже не в силах отмахнуться от этой самой «обочины» как от чего-то, что не стоит внимания историка литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Андреевич (Соловьев Е. А.). Опыт философии русской литературы. СПб. : Изд. т-ва «Знание», 1905. 535 с.

Арт. Ф. Журнальное обозрение // Русская мысль. 1904. № 4. С. 236-247.

Бонди С. Черновики Пушкина. М. : Просвещение, 1971. 232 с.

Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. Литературное наследство. М. : Наука, 1988. Т. 95. 1079 с.

Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М. : Наблюдение, 1998. 416 с.

Гольдебаев А. Установленным порядком. Машинопись. Самарский литературный музей (далее – СЛМ).

Гольдебаев А. Установленным порядком. Рукопись. СЛМ.

Гольдебаев А. Галчонок // Сборник товарищества «Знание». СПб., 1910. Вып. XXIX. С. 1-46.

Евгеньев-Максимов В. Очерк истории новейшей русской литературы. 3 изд. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. 336 с.

Катаев В. Б. Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова / ред. В. Б. Катаев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 17-24.

Коган П. Очерки по истории новейшей русской литературы. 2 изд. М. : Заря, 1911. Т. 3. Современники. Вып. I. 142 с.

Крюкова. Рецензия на кн.: Гольдебаев. Рассказы // Русское богатство. 1910. № 4. Отдел 2. С. 81-82.

Неведомский М. Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до дней наших. Петроград : Коммунист, 1919. 410 с.

Протопопов М. Критические статьи. М. : Издание С. Скирмунта, 1902. 500 с.

Столяров М. Новейшие русские новеллисты. Гаршин – Короленко – Чехов – Горький. Киев-Петербург-Харьков : Южно-Русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона. Киев : Типография И. И. Чоколова, 1901. 97 с.

Чудаков А. П. Чехов-редактор. Правка рассказа А. К. Гольдебаева «Ссора» // Литературная учёба. 1981. № 1. С. 200-205.

Шалюгин Г. Чехов: «Жизнь, которой мы не знаем»... Статьи, очерки, публикации. Симферополь : Таврия, 2004. 468 с.

REFERENCES

Andreevich (Solov'ev E. A.). Opyt filosofii russkoy literatury. SPb. : Izd. t-va «Znanie», 1905. 535 s.

Arn. F. Zhurnal'noe obozrenie // Russkaya mysl'. 1904. № 4. S. 236-247.

Bondi S. Chernoviki Pushkina. M. : Prosveshchenie, 1971. 232 s.

Gor'kiy i russkaya zhurnalistika nachala KhKh veka. Neizdannaya perepiska. Literaturnoe nasledstvo. M. : Nauka, 1988. T. 95. 1079 s.

Grishunin A. L. Issledovatel'skie aspekty tekstologii. M. : Nasledie, 1998. 416 с.

Gol'debaev A. Ustanovlennym poryadkom. Mashinopis'. Samarskiy literaturnyy muzey (dalee – SLM).

Gol'debaev A. Ustanovlennym poryadkom. Rukopis'. SLM.

Gol'debaev A. Galchonok // Sbornik tovarishchestva «Znanie». SPb., 1910. Vyp. XXIX. S. 1-46.

Evgen'ev-Maksimov V. Ocherk istorii noveyshey russkoy literatury. 3 izd. M. ; L. : Gos. izd-vo, 1927. 336 s.

Kataev V. B. Chekhov i ego literaturnoe okruzhenie (80-e gody XIX veka) // Sпутniki Chekhova / ред. V. B. Катаев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. S. 17-24.

Kogan P. Ocherki po istorii noveyshey russkoy literatury. 2 izd. M. : Zarya, 1911. T. 3. Sovremenniki. Vyp. I. 142 s.

Kryukova. Retseziya na kn.: Gol'debaev. Rasskazy // Russkoe bogatstvo. 1910. № 4. Otdel 2. S. 81-82.

Nevedomskiy M. Zachinateli i prodolzhateli. Pominki, kharakteristiki, ocherki po russkoy literature ot dney Belinskogo do dney nashikh. Petrograd : Kommunist, 1919. 410 s.

Protopopov M. Kriticheskie stat'i. M. : Izdanie S. Skirmunta, 1902. 500 s.

Stolyarov M. Noveyshie russkie novellisty. Garshin – Korolenko – Chekhov – Gor'kiy. Kiev-Peterburg-Khar'kov : Yuzhno-Russkoe knigoizdatel'stvo F. A. Iogansona. Kiev : Tipografiya I. I. Chokolova, 1901. 97 s.

Chudakov A. P. Chekhov-redaktor. Pravka rasskaza A. K. Gol'debaeva «Ssora» // Literaturnaya ucheba. 1981. № 1. S. 200-205.

Shalyugin G. Chekhov: «Zhizn', kotoroy my ne znam»... Stat'i, ocherki, publikatsii. Simferopol' : Tavriya, 2004. 468 s.